

Игра в поэзию и игра поэзии

Новые Известия — 2001 — 25 июня — с. 7
Поэтический вечер Андрея Вознесенского на Таганке

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

Таганка Любимова снова стала центром современной поэзии. Вечер Андрея Вознесенского превратился в яркий моноспектакль, где голос поэта, иногда доходящий до неразличимого шепота, задавал тон. Лазерное шоу, видеомы, начертанные в воздухе огненным лучом, конечно же, впечатляют, но гораздо важнее присутствие самого поэта. Нельзя сказать, что Вознесенский недостаточно известен. Проблема в том, что его слава затмевает или, правильнее сказать, заслоняет его поэзию.

Эта странная ситуация сложилась еще в давние советские времена, когда эти стихи не разрешалось цитировать, а достать уникальные сборники удавалось далеко не всем желающим. Поэзия Вознесенского существовала в те годы как спецпак для избранных интеллектуалов.

Зеленая улица была дана публицистической и вполне советской лирике Роберта Рождественского, так что массовый читатель и сегодня иногда путает Рождественского с Вознесенским. Год назад ведущая ОРТ прямо в эфире сказала в присутствии поэта: «Имя его всем известно — Андрей Рождественский. Ой!!». Несмотря на все эти казусы и нелепости, страна все же выучила наизусть и распевает «Барабан, барабан», «Ты меня никогда не увидишь, ты меня никогда не забудешь...», «Мерзнет девочка в автомате» и даже «Верни мне музыку, без музыки тоска...». Правда, у популярных вещей Вознесенского тоже неожиданная судьба: их цитируют, почти как фольклор, подчас не зная имени автора.

Для московской тусовки Вознесенский не столько поэт, сколько культовая фигура. Ну от тусовки ни-

чего другого ожидать не приходится, на то она и тусовка.

Вот почему каждый авторский вечер поэта, а они проходят по традиции каждый год в предрождественские дни, никак нельзя назвать заурядным и проходным явлением. Это всегда попытка прорыва, выхода и изоляции, на которую почему-то сегодня поэзия просто обречена. А тем более такая сложная, как у Вознесенского. Ведь он футурист по своей природе, а значит, запрограммирован свыше на постоянный поиск антимиров. Между тем тусовка искать и думать не хочет. Она любит бесхитростные иронические стишки, не требующие душевной сосредоточенности. Никто из нынешних идолов поп-культуры не ищет бури, и плевать они хотели на парус, тем более одинокий. И здесь судьба Вознесенского абсолютно параллельна судьбе Любимова. Зритель ждет,

чтоб его развлекали, и его развлекают во всех театрах. А в театре Любимова все время есть нечто раздражающее. Поэтому и сейчас, на вершине своей всемирной славы, Любимов отнюдь не беспопорен. И опять же, много ли зрителей пройдет через зал вместимостью в 500 человек?

Элементы декорации из «Мастера и Маргариты» и из «Сократа / Оракула» совсем не случайно присутствуют на сцене. Любимов и сознательно, и чисто интуитивно всегда сценически точен. Опрокинутая чаша с изливающейся кровью — вино совсем не просто так зависает над сценой.

К вечеру приурочен выход нового сборника «Шар — Пей». Там, как всегда у Вознесенского, «милльон открытий». Взять хотя бы элементы телеигры, которые столь элегантно вошли в поэзию.

«Как вы считаете, кто из «сча-

стливчиков» более шар-пей? / А Шах-рай В Чанай / С Чубайс Д Аджубей
Что пил царь, принимая гостей? / А Чифирь В Кровь народа / С Спотыкач D Old grey / Что он желает от Родины своей? / А Ордена В В мору / С Йордана D Печаль полей»

Вознесенский обожает Пастернака, считает его самым великим поэтом XX века, но и любовь к великому футуристу Маяковскому остается неизменной и антиконъюнктурной.

«Туристический автобус — хвост морковкой — из Турина / Маяковский: — Фу, туристы... / Авторитет: — Повторим, дед! / Маяковский: — Тьфу, туристы...»

Отучали, отучали Вознесенского от игры, да так и не отучили. Другой вопрос, научит ли он хмурую наслупенную Россию высокой игре поэзии? Не игре в поэзию, а игре поэзии.